

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2026.2.3

«Философские этюды» по поводу философии нашего времени — самоорганизации или синергетики и ощущизма

Э. Ф. МАКАРЕВИЧ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В научном издательстве «Ленанд» вышла увлекательная книга Надежды Васильевны Гоноцкой и Георгия Геннадьевича Малинецкого «Философские этюды: Новые рецепты реальности. Мысли на тарелке, бумаге и холсте. Выбор грядущего» (2025 г.). Она о том, как проблемы общественного и экономического развития можно решать с позиции философии нового времени — философии самоорганизации и совместного действия (синергетики), а выбор грядущего осуществлять из точки бифуркации, в которой сконцентрирован интеллект, эмоции и энергетика человека. По сути, в ней представлен метод познания жизни, адекватный времени. Этот метод помогает решать проблемы сегодняшнего дня и находить решения социально-экономических и нравственных проблем прошлого. К этим проблемам отношу функционирование экономической системы в СССР в 1930–1950-е гг. и ее актуальность в наши дни, а также проблему самоидентификации и конструирования собственного «Я», имеющую связь с сегодняшним временем.

Ключевые слова: философия нового времени; самоорганизация или синергетика и ощущизм; эмпирическая экономическая система в СССР в 1929–1955 гг.; учебник «Политическая экономия» 1954 г. издания; субъектность личности; поиск своего «Я»; опыт Протасова

ВВЕДЕНИЕ

В истории человеческой мысли есть разные философии — античная, философия эпохи Возрождения, философия Конфуция, немецкая классическая философия (здесь имеем в виду Канта, Гегеля, Фейербаха), философия Ницше, русская философия, философия науки — позитивизм, неопозитивизм, постпозитивизм, материалистически-диалектическая философия Маркса, Энгельса, Ленина, философия жизни, американская философия прагматизма, философия истории Тойнби и Ясперса, философия Делеза и еще множество оригинальных философских учений и концепций.

В конце XX — начале XXI в. появилась философская концепция, которую стали называть философией самоорганизации или совместного действия (синергетика). Особенность этой философии в том, что в ее создание внесли свой вклад

не только традиционно исследователи-гуманитарии, но и математики, физики. Среди них были как западные специалисты, такие как Герман Хакен, так и российские исследователи — академик Н. Н. Моисеев, академик А. А. Самарский, член-корреспондент РАН С. П. Курдюмов (в свое время директор Института прикладной математики имени М. В. Келдыша), профессор Д. С. Чернавский, член-корреспондент РАН В. В. Иванов, доктор физико-математических наук, профессор Г. Г. Малинецкий.

Вот этой философии, по сути, философии нашего времени посвящена книга Н. В. Гоноцкой и Г. Г. Малинецкого с оригинальным названием — «Философские этюды: Новые рецепты реальности. Мысли на тарелке, бумаге и холсте. Выбор грядущего» (Гоноцкая, Малинецкий, 2025). Авторы задаются вопросом: как же двигаться в науке, в развитии общества, в жизни, «несмотря на все склоки, амбиции и корпоративные игры?», и пытаются с помощью новой философии получить ответ. Потому что новая философия — это не что-то созданное здесь и сейчас. Эта философия включает в себя принципы и законы других философий, выдержавшие испытание временем и практикой жизни. Но это не механический набор положений из прошлого, а выбор тех, что стали инструментом диалектического анализа современности на основе математических методов, что придает цельность теории самоорганизации или синергетики и ощуцизма как способности человека эмоционально ощущать мир, ощущать себя и другого, ощущать, воспринимать и оценивать себя в определенной роли. При этом ощуцизм должен работать на самоорганизацию, повышая ее эмоциональную силу, а не разрушать ее.

Г. Г. Малинецкий характеризует сущность этой философии как «междисциплинарный подход, лежащий на пересечении *сфер предметного знания, математического моделирования и философской рефлексии*» (там же: 14; курсив источника. — Э. М.). При этом эффект синергетического подхода в том, что «действует целое, а не отдельные части» (там же: 15). Достигается он тем, что связи между элементами играют «намного большую роль, чем сами отдельные элементы» (Малинецкий, 2024: 176). В этом случае рождается система, которая эффективно функционирует по законам совместного действия в ожидании своей точки бифуркации, в которой определяется та траектория, по которой будет развиваться система дальше. И вот здесь те, кто управляет системой, вступают в полосу философской рефлексии, в которой «мир — это всегда столько миров, сколько требуется для создания одного мира [мира отдельного человека]» (Нанси, 2004: 35), который и определяет выбор в точке бифуркации. Ощущизму подвержены прежде всего лидеры, становящиеся источником влияния. Ощущизм, пропитанный большой энергией, «ломает самоорганизацию — основу нашей реальности» (там же: 160), разрушает систему, но в иных случаях может и вдохновить ее.

Авторы берут на вооружение императив, который принадлежит Галилео Галилею: «Измеряй измеримое». И этим инструментом измерения, инструментом анализа, инструментом предвидения вполне готова стать теория самоорганизации — теория совместных действий и ощуцизма. Применим с помощью авторов в качестве аналитического эксперимента эту теорию для поиска, измерения и гуманитарного анализа определенной экономической концепции, которая могла бы быть полезной сегодня, более того, эффективной для развития суверенной страны, а также полезной для самоидентификации и конструирования человеком своего «Я».

*ОБ ЭФФЕКТИВНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ,
КОТОРЫЙ БЫЛ В СТРАНЕ И КОТОРЫЙ ДО СИХ ПОР НЕ ИМЕЕТ
ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ И СВОЕЙ ФОРМУЛЫ*

Для начала воспользуемся здесь анализом, который сделали А. С. Галушка, А. К. Ниязметов, М. О. Окулов в своей книге «Кристалл роста к русскому экономическому чуду». В книге описана сущность экономической системы в СССР с 1929 по 1955 г., ее связь с экономикой военного коммунизма и новой экономической политикой (нэп), планом комиссии Академии наук по изучению естественных производительных сил России и планом государственной электрификации России (ГОЭЛРО). Это была экономика коллективизации, индустриализации и Великой Отечественной войны. В измерении эффективности этой экономики можно руководствоваться философией самоорганизации или синергетики и философской рефлексии, которую предлагают Г. Г. Малинецкий и Н. В. Гоноцкая в своих «Философских этюдах».

Эта экономика выросла из постановки задач, которые нужно было решить в кардинально сжатые сроки любыми средствами, или, используя старинное латинское выражение, «здесь и сейчас» (*hic et nunc*). По сути, эта экономика выросла эмпирически, из опыта, методом проб и ошибок, но оказалась весьма устойчивой и эффективной.

При этом следует отметить, что для промышленности и сельского хозяйства в СССР в 1925–1930 гг. в условиях угасания нэпа было характерно укрепление социалистических методов хозяйствования и вытеснение из экономики страны государственного капитализма, частнохозяйственного капитализма и мелкого товарного производства — значительного числа городских и сельских кустарей и ремесленников, объединенных в кооперативные товарищества или артели (в 1925 г. насчитывалось 11 432 артели, в которых работало 584,8 тыс. человек) (История социалистической экономики СССР, 1976: 245, 260). Артели оказались самой живучей формой кооперации, просуществовавшей вплоть до второй половины 50-х гг. XX в.

По сути, начиная с 1929 г. по вторую половину 1950-х гг. в СССР была в некоторой степени смешанная экономика: мобилизационная, основанная на социалистических методах хозяйствования, и экономика предпринимательства и мелкого товарного производства.

Вот девять важнейших факторов этой экономической системы, сложившейся в 1929–1955 гг., которые выделяют авторы книги «Кристалл роста» (Галушка, Ниязметов, Окулов, 2022: 203–204):

- 1) взаимодополнение госпланирования и предпринимательства;
- 2) сочетание в экономике организующей роли государства и рыночной самоорганизации;
- 3) планирование на основе балансового метода, включая межотраслевые балансы (метод «затраты — выпуск»);
- 4) организованная единая экономическая система, максимизирующая экономический рост;
- 5) развитие экономики через развитие предложения (производства);
- 6) развитие человеческого капитала и технологий;
- 7) предпринимательство в форме артелей;
- 8) эффективность;

9) двухконтурная денежная модель (наличных и безналичных денег, изолированных друг от друга; при этом наличные деньги были связаны только с зарплатами и розничной торговлей).

В книге вышеназванных авторов эти звенья обозначены как «ключевые элементы модели опережающего развития» (там же: 204). Самоорганизация или синергетика как совместное действие способствуют появлению «у целого свойств, которыми не обладает ни одна из частей» (там же: 264). Целое — это экономика, экономический отечественный опыт 1929–1955 гг., который имеет потенциал опережающего развития и эффективную практику. Когда все эти девять вышеуказанных факторов активно взаимодействуют, то случается тот синергетический эффект, который дает небывалое ускорение экономике страны. По крайней мере статистические источники подтверждают это. Накануне XIX съезда партии, который проходил в октябре 1952 г., были подведены итоги экономического развития СССР. Промышленная продукция СССР в 1952 г. составила 223% от уровня 1940 г., а производство средств производства — 267%. При этом промышленная продукция СССР увеличилась к 1952 г. по сравнению с 1929 г. в 12,6 раза, а в США за тот же период — в 2 раза, в Англии — на 60%, в Италии — на 34%, во Франции — на 4% (Шепилов, 2017: 258). В этом же источнике подчеркивается: «В 1952 г. государственные магазины и колхозные рынки были завалены продуктами. Утвердившаяся политика ежегодного снижения цен означала ощутимый рост реальной заработной платы» (там же).

Уже первые ощутимые результаты развития экономики, полученные к 1936 г., после первой пятилетки, подвигли Сталина к пониманию того, что для дальнейшего развития страны нужно было найти формулу роста экономики в условиях социализма и внешнего капиталистического окружения, т. е. этот эмпирический экономический опыт нужно было осмыслить, проанализировать, ориентируясь на будущие цели. То есть, когда эта экономическая система должна была прийти в точку бифуркации, выбор дальнейшего пути развития системы должен был определяться найденной формулой экономического роста.

В 1936 г., когда была принята новая Конституция СССР, выходит постановление правительства о перестройке преподавания политической экономии, где формулируется задача создания учебника политэкономии социализма. Во имя этого мобилизуется интеллектуальная сила ученых-экономистов, и Сталин контролирует этот процесс. В январе 1941 г. он встречается с учеными, работающими над учебником. И принимающий участие в этой встрече академик К. В. Островитянов записывает его слова: «Если хотите на все искать ответов у Маркса, пропадете. Вы имеете такую лабораторию... которая существует больше 20 лет, а думаете, что Маркс должен был знать больше вас... Надо самим головой работать, а не нанизывать цитаты. Новые факты есть, новая комбинация сил, извольте головой работать...» (Архив РАН (Островитянов)). Замечание Сталина о лаборатории, которой 20 лет, касается, скорее всего, времени нэпа, первой и второй пятилеток и той экономической системы, которая складывалась в эти годы эмпирически.

Война затормозила работу над учебником, но не остановила ее. В 1944 г. правительственная комиссия рассматривает макет учебника и отправляет на отзыв ученым-экономистам. В ноябре 1951 г. в стране прошла экономическая дискуссия с участием экономистов, философов, историков, после чего Сталину было доложено, что в учебнике не раскрыта суть экономической системы страны, ее «внут-

решающая связь и механизм действия» (Архив РГАСПИ), и это является «наиболее слабой частью проекта учебника, требующей коренной переработки» (там же).

В октябре 1952 г. в газете «Правда» была опубликована статья, в которой Сталин высказал свое мнение об основном экономическом законе социализма и подчеркнул важность необходимости теоретического осмысления экономики социализма (Сталин, 1952). Но учебник политической экономии, задуманный Сталиным еще в 1936 г., так и не вышел, а был опубликован уже в 1954 г., после его смерти, тот недоработанный вариант учебника, над которым трудилась творческая группа ученых. Им так и не удалось воплотить в теории замысел Сталина. Этот учебник политэкономии 1954 г. издания, объемом в 40 печатных листов и тиражом 5 млн экземпляров, вышел под редакцией академика К. В. Островитянова, члена-корреспондента АН СССР Д. Т. Шепилова, члена-корреспондента АН СССР Л. А. Леонтьева, действительного члена Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук И. Д. Лаптева, профессора И. И. Кузьмина, доктора экономических наук Л. М. Гатовского, академика П. Ф. Юдина (философа. — Э. М.), члена-корреспондента АН СССР А. И. Пашкова, кандидата экономических наук В. И. Переслегина.

Это был именно тот учебник, который полностью соответствовал критике, прозвучавшей на экономической дискуссии 1951 г.: в учебнике не раскрыта суть экономической системы страны, ее «внутренняя связь и механизм действия». Приведу лишь один фрагмент из этого учебника, доказывающий вышеприведенный вывод. В главе XXVII «Общественная собственность на средства производства — основа производственных отношений социализма» говорится: «При социализме существуют две формы общественной собственности: государственная и кооперативно-колхозная. Соответственно этому имеются два вида социалистических хозяйств: государственные предприятия и кооперативные (коллективные) хозяйства. <...> Кооперативно-колхозная собственность есть групповая собственность отдельных колхозов, артелей промысловой кооперации, потребительских обществ. <...> Личная собственность при социализме распространяется на предметы потребления. Особым видом личной собственности является личная собственность колхозного двора» (Политическая экономия, 1954: 401). Далее рассматривается содержание этих форм собственности, которое носит сугубо описательный характер. При этом авторы игнорируют *реальную практику такой формы самоорганизации, как деятельность артелей*, которые тогда действовали не только в сфере сельскохозяйственного производства и промысловой кооперации, но и в промышленном производстве.

Авторы современного исследования «Кристалл роста» приводят такие данные: «К середине 1950-х гг. в стране совокупно работают более 264 000 артелей и кустарей, занимающих более 2 млн человек. Подавляющее большинство артелей сосредоточено в производственном секторе. <...> Государство определяет цены в случае производства товаров артелями из государственного сырья и регулирует ценообразование артелей в иных случаях через сеть специальных уполномоченных организаций. <...> Всего артели выпускают 33 444 наименования товаров, в ассортимент входят разнообразные предметы домашнего обихода, в том числе такие сложные, как холодильники, пылесосы, стиральные машины, а также запасные части к ним... В целом по стране артели производят 100% детских игрушек, 40% мебели, 40% верхнего трикотажа, 35% швейных изделий, 35% обуви» (Галушка, Нязметов, Окулов, 2022: 181).

Отметим, что такая практика очень напоминает деятельность волостных и сельских предприятий в Китае, которые, как считают многие исследователи, стали основным драйвером экономического роста в 1980-е гг.

При этом А. С. Галушка, А. К. Ниязметов, М. О. Окулов рассчитали, как сочетались государственное планирование и предпринимательская инициатива: артели и кустари давали 9% стоимости всей промышленной продукции в стране и 80% товарного разнообразия (там же). По сути, этот расчет был сделан на основе синергетического подхода, о котором толкуют авторы «Философских этюдов».

В учебнике «Политическая экономия» издания 1954 г. даже попытки такого анализа не было. Авторы учебника так и не рискнули воспользоваться советом Сталина при написании учебника, суть которого (творческое, а не догматическое понимание социализма) была описана нами выше.

Следует признать, что дальнейшая работа над вышедшим учебником не получила своего развития: «...уникальная экономическая система, обеспечившая в XX веке рекордный в мире рост экономики, не получает в своем Отечестве адекватного теоретического осмысления и описания. <...> Проблема еще в том, что последующие поколения ученых-экономистов естественным образом воспитываются именно в сформированной в этот период академической среде, так и не понявшей всей сути созданной экономической системы. И, естественно, не только воспитываются, но и затем работают, в том числе готовят предложения для руководства страны» (там же: 203).

Но почему тогда, в конце 1940-х — начале 1950-х гг., все-таки не получился учебник, задуманный Сталиным, с описанием и осмыслением этой уникальной эмпирической экономической системы и ее эффективного развития?

Рискну предположить, что это случилось потому, что не был найден ключ к такому анализу и осмыслению. Хотя этот ключ можно было искать уже тогда в марксистско-ленинской диалектике и в замечаниях Сталина по поводу цитат Маркса. Но не хватило смелости и интеллектуального ресурса у тогдашнего поколения советских ученых-экономистов и философов. Сегодня таким ключом вполне могла бы стать теория самоорганизации или синергетика, о которой пишет Г. Г. Малинецкий в «Философских этюдах»: «Следует заметить, что именно синергетика позволяет понять и объяснить, когда, почему и в каких пределах уместно использовать в ходе анализа гегелевскую диалектику. Любопытно, что прикладная математика и математическое моделирование почти через два века позволили прояснить парадоксальную логику, предложенную Гегелем, “поставить ее с головы на ноги”, по крайней мере, в области, касающейся философии природы и многих развивающихся систем» (Гоноцкая, Малинецкий, 2025: 32). Можно добавить: поставить гегелевскую логику с головы на ноги и в сфере общественных экономических отношений, как сделал сначала Маркс в сфере социальной философии, а потом Ленин, введя новую экономическую политику в Советской России после Гражданской войны 1918–1920 гг. (А значительно позже — Дэн Сяопин в Китае). Возвращаясь к сегодняшнему времени, важно отметить, что в поиски ключа к пониманию сути эмпирической системы 1929–1955 гг. значительный вклад внесла публикация книги «Кристалл роста, а теперь вот и книга «Философские этюды: Новые рецепты реальности».

Самоорганизация предполагает, что в экономической системе СССР все ее составляющие элементы были функционально связаны. Это создавало единую цело-

стную систему на всех уровнях государства и общества. К составляющим элементам относились государственное планирование, предпринимательство, передовые технологии, доступные деньги, эффективность и при этом социальная справедливость, возможности для творческой самореализации людей в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства и предпринимательства. Это была самоорганизация цельности, совместных действий и взаимоконтроля при связующей и мобилизующей силе денег и сопряжении с экономической практикой «старого» времени, дающей мощный эффект развития страны. (Хотя нельзя забывать и о значительной принудительной и репрессивной стороне этой системы).

После смерти Сталина в марте 1953 г. эта система была приведена новым лидером страны Н. С. Хрущевым в точку бифуркации, где ее состояние начало катастрофически меняться. Как пишут Н. В. Гоноцкая и Г. Г. Малинецкий, «коварство бифуркаций состоит, во-первых, в том, что во множестве систем они необратимы — мы не можем вернуться назад и “сыграть по-другому”» (Гоноцкая, Малинецкий, 2025: 182). Бифуркация в самоорганизации — это катастрофическое изменение состояния системы (жесткая бифуркация) (там же: 181). Экономическая система 1929–1955 гг. подверглась значительным, зачастую непродуманным преобразованиям, что привело к существенному замедлению экономического развития страны. Началось все с укрупнения министерств и ведомств, что привело к дезорганизации государственного управления. В планировании руководство предприятий теперь должно было само разрабатывать годовые календарные планы, пересматривать нормы выработки, что нанесло колоссальный удар по единой системе производства и его эффективности. В 1955 г. плановая иерархия от Госплана и министерств до предприятий уничтожается. В сельском хозяйстве личные приусадебные хозяйства лишаются земли, скота и кормов, что не позволяет им выплачивать налоги. Тогда их ликвидируют, и в стране начинает не хватать продовольствия и зерновых. При этом берется курс на освоение целинных и залежных земель, т. е. на экстенсивное развитие сельскохозяйственного производства. В конечном счете дело доходит до импорта зерновых из-за рубежа. К началу 1960-х гг. артели становятся государственными предприятиями. С конца 1950-х гг. начинается отказ от целевой организации массового внедрения передовых технологий и новой техники, ликвидация стимулов, поощряющих использование новых технологий. Но в 1965 г. Председатель Правительства СССР А. Н. Косыгин при поддержке ученых-экономистов выступил инициатором экономической реформы, стимулировавшей экономическую инициативу и самостоятельность предприятий. Однако скоро стало ясно, что эта частичная реформа требует для своего успешного развития реформы управления всей экономикой страны. Высшее партийное руководство страны не решилось пойти на это: существующее положение дел его вполне устраивало. И «косыгинская» реформа, наткнувшись на сопротивление партийного бюрократического аппарата, остановилась. Уже в 1980-е гг. происходит ликвидация двух финансовых контуров (наличного и безналичного) и переводного рубля (Галушка, Ниязметов, Окулов, 2022: 205–235).

Важно понять, что в точке бифуркации уникальной экономической системы, случившейся во второй половине 1950-х, а потом продолжившейся в последующие годы, вместо ее осмысления произошло разрушение экономической системы. Отголоски этого разрушения ощущались в СССР вплоть до его распада. Что заставило Н. С. Хрущева сломать экономическую систему Сталина, не осмыслив ее, не

найдя формулы ее развития и применения во имя социалистического будущего страны, — можно догадываться.

С одной стороны, он не понимал, чего добивается Сталин, требуя новый учебник политической экономии. Интеллектуальный ресурс и недостаточное образование Н. С. Хрущева препятствовали пониманию этой задачи Сталина. С другой стороны, Н. С. Хрущев, обладающий мощной эмоциональной энергетикой, неуемным политическим тщеславием и мстительностью, ломая экономическую систему, эмпирически найденную Сталиным, осуждая его действия в годы репрессий, созданный им культ личности, игнорируя его Конституцию 1936 г., так и не смог предложить ничего достойного для замещения этой системы. В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд партии, на котором была принята третья программа партии, в которой говорилось, что высшая цель партии — построение коммунистического общества, и объявлялось, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. А через три года, в октябре 1964 г., состоялся пленум ЦК партии, где Н. С. Хрущев был освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК партии и Председателя Правительства СССР. В материалах пленума подчеркивалось, что у партии вызывают глубокую озабоченность замедление роста валовой продукции в экономике, замедленный рост сельского хозяйства, снижение его продуктивности. Экономика страны теряла управляемость, чуткость к новейшим высоким технологиям.

Но сегодня, благодаря такой философии, как самоорганизация или синергетика, в научной сфере делается попытка поиска ключа к осмыслению нашего прошлого и формулы развития экономики страны, ориентированной на наше будущее. Этому служат результаты научных исследований, представленных в публикациях последних лет: «Кристалл роста» (2022) и «Философские этюды» (2025).

КАК НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ПОМОГАЕТ ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ В ИССЛЕДОВАНИИ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В «Философских этюдах» в главе 6 «Парадоксы Штиллера» авторы рассматривают философский опыт, который следует назвать: «Может ли человек высказать истину о себе?»

По их мнению, «это один из вопросов, который актуализируется как в философском, так и в литературном дискурсе XX столетия» (Гоноцкая, Малинецкий, 2025: 121). В качестве предмета анализа авторы взяли роман швейцарского писателя Макса Фриша «Штиллер», опубликованный в 1954 г. «В нем речь идет о пропавшем на 6 лет человеке, решившим стать другим, а затем по воле случая возвращающимся в прежнюю реальность. Эта реальность “настигает” героя и “стремится” вернуть его в тот облик, от которого он избавился» (там же: 22). По сути, этот роман используется как иллюстрация «идеи диалектичности процесса сокрытия/раскрытия метафизического смысла в художественном произведении, исходя из проблемы самоидентификации, конструирования собственного “Я”, которая является стержневой в романе (там же: 131).

Задумываясь над вопросом, что есть «Я» в существующем мире, мы не можем обойтись без философии и методологии. Философия в понимании Фриша, это россыпь образов, которое собирает это самое «Я», теряющее себя и обретающее себя вновь, убегающее и возвращающееся к центру, связывающему множество реальных и воображаемых миров (там же: 137).

Методологию процесса «что есть “Я”», автор выражает словами Ортега-и-Гассета: «Я есть я и окружающие меня условия» (Ортега-и-Гассет: Электронный ресурс). Составляющие этой методологии — это самопознание, самотождественность, включение в образ «Я» множественности лиц, открытость другому; не единство в основе бытия, а множественность; не самотождественность, а совокупность образов, соединенных в одном лице, образуют «Я» и, как следствие, субъектность личности, которую конструирует автор литературного произведения.

В качестве литературного эксперимента попробуем применить эту методологию, заданную в «Философских этюдах», к анализу формирования своего «Я» главного героя пьесы Льва Толстого «Живой труп», написанной в 1910 г., — Федора Протасова. Этот персонаж не потерял актуальности и сегодня. Интрига с раскрытием своего «Я» и своей субъектности у Федора Протасова связана еще и с тем, что пьеса эта была запрещена американцами к показу в послевоенной Германии.

В 1945 г., после победы над нацистской Германией, ее территория была разделена на зоны оккупации союзниками по антигитлеровской коалиции. В этот период нужно было влиять на настроения немцев, чтобы депрессию у них заменило желание жить и что-то делать. В американской зоне этим занималось Управление психологической войны, по сути, управление пропаганды в военной администрации США в Германии. Музыка, театр, кино и литература стали основным средством влияния на настроение, сознание и энергетику немцев. Даже организация политической жизни уступала этому влиянию. В немецких кинотеатрах чередой шли американские фильмы со срочно сделанными субтитрами. В западных зонах Германии зазвучали произведения американских композиторов в исполнении американских исполнителей. Американцы взяли под контроль 18 немецких симфонических оркестров и почти столько же оперных коллективов, сформировали им программы выступлений и представлений. В соответствии с литературной программой немецкие коммерческие издательства начали выпускать книги американских авторов. Специалисты психологической войны разработали и внушительную театральную программу, которая была одобрена американскими академиками, драматургами и запущена в немецких театрах. Основу программ составлял список так называемых моральных уроков, который делился на рубрики, где перечислялись пьесы, желаемые для постановки в немецких театрах. Американцы полагали, что эти рубрики, означавшие моральные уроки и представленные определенными пьесами, могли бы стать неким лекарством против тех нравственных болезней, от которых необходимо было излечить немцев после двенадцатилетнего правления Гитлера.

Вот первая рубрика «Свобода и демократия». Ее открывают «Пер Гюнт» Генрика Ибсена и «Ученик дьявола» Бернарда Шоу.

Рубрика «Сила веры» открывалась пьесой Гете «Фауст», потом шли пьесы Стриндберга и Бернарда Шоу.

В рубрике «Равенство людей» были представлены произведения «На дне» Максима Горького, «Медея» Франца Грильпарцера и др.

В рубрике «Война и мир» обозначены «Лисистрата» Аристофана, «Колокол Адано» Джона Херси и др.

В рубрике «Порочность и справедливость» перечислены «Гамлет» Шекспира, «Ревизор» Гоголя, «Женитьба Фигаро» Бомарше и пьесы Ибсена.

А такие рубрики, как «Преступление никогда не приносит выгоды», «Нравственность, хороший вкус и поведение», «Стремление к счастью», «Разоблачение нацизма», тоже имели соответствующий набор пьес (Сондерс, 2013: 21–22).

Но специалисты психологической войны сочли неподходящими для «умственного и психологического состояния немцев все пьесы, допускающие слепую покорность судьбе, что неизбежно приводит к разрушению и саморазрушению, как у греческих классиков» (там же: 22). Были определены произведения, которые не рекомендовалось ставить в немецких театрах — это «Юлий Цезарь» и «Кариолан», потому что они прославляют диктатуру.

Попала в число nereкомендованных и пьеса Льва Толстого «Живой труп», ибо, по мнению американских специалистов психологической войны, содержащаяся там справедливая критика общественных недостатков могла привести к антиобщественным выводам (там же).

Какое же «Я» Федора Протасова, героя этой пьесы Л. Толстого, могло бы стать, по мнению американцев, опасным для немцев в тот период их истории? Попробуем разобраться, исходя из методологии, предложенной авторами книги «Философские этюды».

Американские технологи психологической войны споткнулись на трех проблемах, высвеченных в толстовской пьесе: 1) судебная машина и права личности, 2) что есть человек, 3) деньги как зло и смысл жизни. Три этих проблемных обстоятельства порождают многообразие образов, которые влияют на создание субъектности отдельного человека, на становление его «Я» — героя пьесы Федора Протасова.

В своем монологе, обращенном к следователю, Федор Протасов говорит о том, что охранители нравственности в судебной и государственной машине привечают некоего шантажиста, а потом на основе его показаний куражатся над людьми, тем самым нарушая права человека. Здесь Толстой покушается именно на суд, по крайней мере на примере российской действительности начала XX в., показывая в этой пьесе, как людей насильно заставляют делать нехорошее, признавая это законным. Законным со стороны суда. Сам суд покушается на права человека. То есть суд, судебная власть становятся аморальной инстанцией. Мир права превращается в мир аморальности.

И публике открывается простая истина: Протасов уходит из жизни, потому что жизнь несправедливая, идиотская. В безнравственном обществе не может быть нравственного суда. Вот против чего в конечном счете выступает Протасов, протестуя против злых законов, регламентирующих жизнь. И подтверждение этому находится в словах самого Толстого. «Мне вдруг стало необычайно ясно, — говорил Толстой А. Б. Гольденвейзеру в период работы над «Живым трупом», — что все зло в узаконениях, то есть не в том главное, что люди делают дурно, а в том, что насильно заставляют других делать дурное, признанное законным» (Гольденвейзер, 1959: 66). Как это свойственно судебной машине в некоторых странах.

В отношении с судом у Протасова уже формируется субъектность своего «Я». В том же монологе, что он произносит у следователя, звучит фраза: «Я не боюсь никого, потому что я труп и со мной ничего не сделаете».

Но что же здесь нашли американцы, чтобы отклонить пьесу? В Германии в 1947–1949 гг. во всех оккупационных зонах шли суды над немецкими преступниками по типу Нюрнбергского трибунала. Отношение немцев к этим судам, в том числе и к Нюрнбергскому трибуналу, прозвучало в монологе немецкого адвоката

в фильме американского режиссера Стэнли Крамера «Нюрнбергский процесс» (1961), монологе, обращенном к своему подзащитному — немецкому судье, выносившему приговоры в гитлеровской Германии: «Вы думаете, я с удовольствием выступаю адвокатом на этом процессе? Некоторые вещи, которые мне приходится делать в зале суда, заставляют меня внутренне содрогаться. Но я их делаю, потому что я хочу оставить немецкому народу надежду после этого процесса. Если мы позволим им (американцам. — Э. М.) осудить каждого немца, как они осуждают вас, то мы потеряем право самим управлять своей судьбой. Нужно смотреть в будущее, а не оглядываться назад. Вы хотите, чтобы американцы здесь остались навсегда? Вы хотите этого? Я не могу показать вам фотографии Хиросимы и Нагасаки, тысяч обгоревших тел женщин и детей. Это что, высшая нравственность? Вы думаете, они знают, куда нас вести? Вы думаете, у них есть представление о наших проблемах?»

Такие же разговоры в конце 1940-х гг. ходили и среди немцев, что верно передает фильм Крамера.

При таких настроениях слова Протасова о суде как нравственной инстанции, ни во что не ставящей людей, падали бы на раскаленную почву обид и унижений немецкой публики. Учитывая это, американские специалисты психологической войны делали все, чтобы не дать немцам утвердиться в ложном понимании ими результатов Нюрнбергского трибунала. И уж никак им не нужен был Толстой с его обличением суда как такового, выявляющий закономерность: каковы нравы в человеческом сообществе — таков и суд. Хотя в пьесе суд и занимается частным случаем, касающимся трех человек, но он в тоге охранителя нравственности становится участником шантажа в отношении этих трех и куражится над ними. Очень явное созвучие могло бы быть настроениям немцев в отношении судов, выносящих приговоры в отношении соотечественников. В том числе и тех, кто входил в состав нацистской партии, численность которой превышала 6 млн человек и которая была признана преступной в судебном порядке.

И вот здесь на фоне настоящих и будущих судебных приговоров проявилась еще одна особенность пьесы, имеющая отношение к формированию субъектности своего «Я» у главного героя. Это сложность человека, которую показывает Толстой, человека, соединяющего в себе прямо противоположные свойства и качества. Толстой говорил об этом так: «Божеское есть во всех людях, во всем». И объяснял: «Одно из величайших заблуждений при суждениях о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть все: все возможности, есть текучее вещество... Это есть хорошая тема для художественного произведения и очень важная и добрая, потому что уничтожает злые суждения» (Толстой, 1953: 185).

Понимание сути человека как некой «текучести» Толстой и воплотил в фигуре Протасова: чисто русский тип, он и алкоголик, и беспутный, и в то же время совестливый, отличной души человек. Разве это может соединиться в одной личности?

Если следовать методологии авторов «Философских этюдов», то не самотождественность, а совокупность образов, соединенных в одном лице, образуют «Я». Но если эти характеристики соединилось в одной личности и образовали ее субъектность, то это и есть единое и неделимое «Я»? Причем субъектность своего «Я» у личности включает в себя потенциал ощущизма, позволяющий передавать свои ощущения другим людям, что меняет реальность (Гоноцкая, Малинецкий, 2025: 23).

Как могли тогда понять это немцы? Ведь Протасов — соотечественник тех русских, что одолели их, немцев, в только что закончившейся кровопролитной войне. Надо ли немцам разгадывать загадку, как в этой нищей и отсталой России, в этом Советском Союзе «могла возникнуть армия, способная драться упорно и даже со страстью», армия, состоящая из представителей «низших рас», способная «нанести поражение немецкой храбрости, организованности и командному искусству», армии, обладавшей лучшими танками, пушками и самолетами? (Лакер, 1991: 342).

Как это объяснить? Загадкой русской души, что демонстрирует образ Протасова? Надо ли немцам в этом разобраться?

А вот чего действительно тогда опасались американцы, так это того, что, не дай бог, образ Протасова, демонстрирующий «текучесть» человека, послужит определенному объяснению, а то и оправданию поведения немцев в годы прошедшей войны. Речь шла о национальной вине немцев за сотворенное в войне. И здесь вопрос стоял просто: не дать им примерить образ «текучего» человека теперь на самих себя.

Обращаюсь здесь к фильму венгерского режиссера Иштвана Сабо «Мнения сторон» (2001), в котором это настроение американцев даже спустя годы передано довольно точно. В этом фильме американский генерал, напутствуя американского следователя, говорит: «Мне кажется, они все были нацистами. Их лидеры, эти недоноски, которых сейчас судят в Нюрнберге, не могли это сделать одни. Именно этот народ, именно он оказал всю необходимую помощь с радостью. Мы не можем предать суду в этой стране каждого нациста. Хотя мне бы этого хотелось. Но невозможно. Так что выберем известных людей в промышленности, образовании, праве, культуре. Вот Фуртвенглер... Он больше, чем просто руководитель оркестра, он великий дирижер, талантливый художник. Но мы уверены, что он продался дьяволу. Твоя главная задача — выявить его принадлежность к нацистской партии. Не поддавайся его чарам, докажи, что Курт Фуртвенглер виновен. Он олицетворяет всю нравственную гнилость Германии... Наши оккупационные власти обязаны обеспечить этим несчастным защиту, они постоянно твердят: «Мы должны быть справедливы». Я бы сказал только одно по этому поводу: «К черту! Ты не отчитываешься ни перед кем, кроме меня...» Я надеюсь, ты меня понял».

Когда гитлеровская Германия в мае 1945 г. была окончательно разгромлена и поделена на оккупационные зоны, глава американской зоны оккупации генерал Люсиус Клей говорил, что теперь первоочередной является задача «освободить ум немца и заставить его сердце ценить эту свободу». Руководствуясь этой установкой, Управление психологической войны при штабе главного командования экспедиционных войск в Германии назвало операцию по «освобождению немецкого ума» «проектом переориентации». В случае музыки «Проект переориентации» включал программы, направленные на завоевание музыкального пространства в той части Германии, где стояли армии США, Великобритании и Франции. Это означало популяризацию современных американских музыкальных произведений и джаза, нацеленных на разрушение идеи арийского культурного превосходства. Но проект касался и известных музыкальных деятелей периода гитлеровского режима: Рихарда Штрауса, Норберта Шульце (автора популярной в Германии песни «Лили Марлен»), Вильгельма Фуртвенглера, Герберта фон Караяна и еще многих музыкантов. Он именовался «Проект переориентации № 1, № 2, № 3...», где за цифрой следовало имя персоны, подлежащей переориентировке.

Но немцы не верили и не считали, что они все продались дьяволу. Приведу свидетельство, если так можно сказать, участника событий — известного германского писателя, отмеченного Нобелевской премией, Гюнтера Грасса. Вспоминая месяцы, проведенные в американском лагере для плененных немецких солдат, он писал: «Потом к нам решили применить воспитательные меры. Однако американский Education Officer, в очках и с бархатным голосом, постоянно носивший свежесглаженные форменные рубашки, старался напрасно, ибо мы не верили тому, что он нам показывал: черно-белые фотоснимки из концлагерей Берген-Бельзен, Равенсбрюк... Я видел горы трупов, печи крематориев. Видел голодных, истощенных, превратившихся в ходячие скелеты людей из другого мира. В это было невозможно поверить.

Мы твердили: “Разве немцы могли сотворить такое?”, “Немцы никогда такого не совершали”, “Немцы на такое не способны”. А между собой говорили: “Пропаганда. Все это пропаганда”» (Грасс, 2008: 254).

Но немцев нужно было заставить признать сотворенное ими, чтобы можно было эффективно управлять Германией. Так думали офицеры оккупационных войск. Люди с чувством вины охотнее откликаются на управленческие месседжи. И уж, конечно, представление о сложном, «текущем» человеке, явленном в образе Протасова с его ощущением, тогда в Германии, не нужно было оккупационным властям. И тем более совершенно никчемным был вопрос о «божеском» в немецком человеке после учиненных им злодеяний. И разбираться в этом входило в обязанности офицеров психологической войны. Они поняли только одно, что иллюзия, которую нес театральным текст, разбивалась о немецкую реальность.

Но все же Протасов у Толстого — герой. Но герой не по-американски, не «рыночный» человек. У него Протасов, при его покорности судьбе, в какой-то момент бросает вызов обстоятельствам. У него мощная субъектность своего «Я», отшлифованная в борьбе с обстоятельствами, в которой последний жест против среды, в которой он живет — самоубийство. Он выступает ни много ни мало против существующего жизненного уклада, уклада такой цивилизации, когда приходится слушать и наживать деньги — в смысле «обогащаться» согласно Толковому словарю русского языка, «увеличивать ту пакость, в которой живешь». Он уходит из бизнеса, банковского в данном случае. Да, он не делает заявлений, не выступает с трибуны. Он рефлексирует, он пьет и гуляет, гуляет под вольные цыганские напевы, которые стимулируют рефлексию и, как следствие, ощущение. На большее его не хватает, ибо природой обусловлены границы, за пределы которых душа рвется, но не переступает. Но все же это жест протеста, а не соглашательства. Для американцев — это покушение на основы.

Нужен ли был такой сложный толстовский герой немецкой публике, такая слишком сложная демонстрация морали на сцене в духе принципа Шиллера («театр — это моральное учреждение»), которому пытались следовать американцы? Скорее нет. Невозможно предложить немцам такого героя. Демонстрация его, влияние его через эмоции ощущения могли бы провоцировать немцев на антиобщественные выводы, по мнению специалистов психологической войны.

Позицию Протасова ведь можно рассматривать как своего рода тест, заданный Толстым, на котором проверяется совесть человека — отношение к деньгам, способам «наживания» их, и при этом доказывается, что не человек виновен, а устройство жизни, задаваемый порядок. Это тест, который обнажает неприятную исти-

ну: общество, которое своим устройством встает наперекор жизни людей, ломает их судьбы, не может быть устойчивым в своем существовании. Американцы чувствовали опасность этого сочинения Толстого и его главного героя — Федора Протасова, которые явно противоречили планам преобразования послевоенной германской действительности.

И, возвращаясь к методу образования своего «Я» с четко выраженной высокой степенью своей субъектности, и помня образ Протасова, скажем словами авторов «Философских этюдов»: «Не единство лежит в основании бытия, но множественность; не самотождественность, но совокупность образов, соединенных в одном лице, образуют “Я”. <...> В образе “души самосознающей” соединяются две великие формы человеческого бытия (литература и философия. — Э. М.) и открывают для нас новые возможности в осмыслении “Я”» (Гоноцкая, Малинецкий, 2025: 137).

Но как это соотносится с самоорганизацией и ролью в ней личности? Авторы «Философских этюдов» отвечают на это так: «Язык, ритуалы, религии, культура, письменность, книгопечатание, радио, телевидение, Интернет, мобильники, социальные сети — прежде всего инструменты самоорганизации. Именно в ней и в отношениях со временем лежат корни нашей субъектности. Рефлексия и оценка собственного состояния важны, чтобы понимать, как выжить и когда надо атаковать, чтобы не подвести свое сообщество» (там же: 98). Опыт Протасова через призму самоорганизации, веры и принципов помогает личности найти себя, свою субъектность в отношениях со средой.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

О НОВОЙ ФИЛОСОФИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Любая философия — это метод познания жизни. То же можно сказать и о философии самоорганизации или синергетики и ощущизма, которая становится одним из важных подходов к анализу и пониманию современности. Смее это утверждать, потому как с ее помощью была сделана попытка экспериментального анализа некоторых нерешенных проблем прошлого и поиск решения их в текущем времени: это проблема функционирования экономической системы, эмпирически сложившейся в СССР в 1929–1955 гг., и проблема формирования субъектности и собственного «Я» в личности героя пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп» — Федора Протасова.

Но почему эта философия помогает продвинуться в решении проблем, сегодня весьма актуальных? Потому что исследователи опираются на основные принципы этой философии, которые стоит перечислить в заключение статьи.

Эта философия определяет метод познания мира как междисциплинарный подход, «лежащий на пересечении сфер предметного знания, математического моделирования и философской рефлексии» (там же: 14).

Мир системен, и эффективны те системы, которые функционируют по законам самоорганизации или синергетики, философской рефлексии, включающей технологию ощущизма как влияния на людей для изменения реальности.

Синергетика как совместное действие позволяет использовать в ходе анализа гегелевскую диалектику, при этом прикладная математика и математическое моделирование обеспечивают применение логики Гегеля в анализе развивающихся систем (там же: 32).

Самоорганизация или синергетика как совместное действие способствует появлению у целого свойств, которыми не обладает ни одна из частей (там же: 264).

Будущее не единственно, ибо есть состояние бифуркации, когда происходит изменение числа и (или) устойчивости решений определенного типа при вариации параметров (там же: 23).

Синергетический эффект заключается в том, что мы творим свой мир, как и он творит нас (там же: 22).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив РАН. Ф. 1705 (К. В. Островитянов). Оп. 1. Д. 166. Л. 1–13. Машинопись.
 Архив РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1226. Л. 24–26. Машинопись.
 Галушка, А. С., Ниязметов, А. К., Окулов, М. О. (2022) Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М. : Наше завтра. 328 с.
 Гольденвейзер, А. Б. (1959) Вблизи Толстого. М. : Гослитиздат. 487 с.
 Гоноцкая, Н. В., Малинецкий, Г. Г. (2025) Философские этюды: Новые рецепты реальности. Мысли на тарелке, бумаге и холсте. Выбор грядущего / сост., отв. ред. Н. В. Гоноцкая. М. : Ленанд. 202 с.
 Грасс, Г. (2008) Луковица памяти / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Иностранка. 592 с.
 История социалистической экономики в СССР в семи томах. Том второй (1976) Переход к НЭПУ. Восстановление народного хозяйства СССР. 1921–1925 гг. М. : Наука. 479 с.
 Лакер, У. (1991) Россия и Германия наставники Гитлера / пер. на рус. В. Меникер. Вашингтон : Проблемы Восточной Европы. 486 с.
 Малинецкий, Г. Г. (2024) Императивы развития России, стратегические вызовы и их преодоление в контексте самоорганизации: Наука. Образование. Война. Россия и Европа. Глобальные перемены и искусственный интеллект. М. : Ленанд. 344 с.
 Нанси, Ж.-Л. (2004) Бытие единичное, множественное. Минск.
 Ортега-и-Гассет, Х. (1993) Размышления о технике // Вопросы философии. № 5. С. 164–232.
 Политическая экономия (1954) : учебник / К. В. Островитянов, Д. Т. Шепилов, Л. А. Леонтьев [и др.] ; под общ. ред. К. В. Островитянова. М. : Государственное издательство политической литературы, 1954. 640 с.
 Сондерс, Ф. С. (2013) ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны / пер. с англ. под рук. Е. Логинова и А. Верченкова, ред. перевода В. Крашенинникова. М. : Институт внешнеполитических исследований и инициатив ; Кучково поле. 416 с.
 Сталин, И. В. (1952) Экономические проблемы социализма в СССР // Правда. 3 октября.
 Толстой, Л. Н. (1953) Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 53. Дневники и записные книжки 1895–1899. М. : Гослитиздат. 563 с.
 Шепилов, Д. Т. (2017) Непримкнувший. Воспоминания. М. : Центрполиграф. 447 с.

Дата поступления: 15.04.2026 г.

“PHILOSOPHICAL STUDIES” ON THE PHILOSOPHY OF OUR TIME: SELF-ORGANIZATION, SYNERGETICS, AND SENSUALISM

*E. F. MAKAREVICH
 MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES*

The scientific publishing house “Lenand” has published a fascinating book “Philosophical Sketches: New Recipes for Reality. Thoughts on a Plate, Paper, and Canvas. Choosing the Future” (2025) by Nadezhda Vasilyevna Gonotskaya and Georgy Gennadievich Malinetsky. The book is about how the issues of social and economic development can be solved from the perspective of the philosophy of modern times — the philosophy of self-organization and joint action (synergetics), and how the choice of the future can be made from a bifurcation point where human intelligence,

emotions, and energy are concentrated. In fact, it presents a method of understanding life that is appropriate for the time. This method helps to solve today's problems and find solutions to the socio-economic and moral issues of the past. These issues include the functioning of the economic system in the USSR in the 1930s–1950s and its relevance today, as well as the issue of self-identification and the construction of one's own identity, which is relevant to the present day.

Keywords: philosophy of modern times; self-organization or synergetics and sensualism; empirical economic system in the USSR in 1929–1955; 1954 textbook «Political Economy»; subjectivity of the individual; the search for one's own identity; Protasov's experience

REFERENCES

- Arkhiv RAS. F. 1705 (K. V. Ostrovityanov). Op. 1. D. 166. L. 1–13. Mashinopis`.
- Arxiv RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 1226. L. 24–26. Mashinopis`.
- Galushka, A. S., Niyazmetov, A. K. and Okulov, M. O. (2022) *Kristall rosta k russkomu e`konomicheskomu chudu*. Moscow, Nashe zavtra. 328 p.
- Gol'denjezer, A. B. (1959) *Vblizi Tolstogo*. Moscow: Goslitizdat. 487 p.
- Gonoczka, N. V. and Malineczkij, G. G. (2025) *Filosofskie e`tyudy` : Novy`e recepty` real`nosti. My`сли na tarelke, bumage i xolste. Vy`bor gryadushbego* / ed. and comp. by N. V. Gonoczka. Moscow, Lenand. 202 p.
- Grass, G. (2008) *Lukovicza pamyati* / transl. from German by B. Khlebnikov. Moscow, Inostranka. 592 p.
- Istoriya socialisticheskoy e`konomiki v SSSR v 7 t. Perekhod k NE`PU. Vosstanovlenie narodnogo xozyajstva SSSR. 1921–1925* (1976) Vol. 2. (1976) Moscow, Nauka. 479 p.
- Laqueur, W. (1991) *Rossiya i Germaniya nastavniki Gitlera* / transl. from Eng. by V. Meniker. Washington, 'Problemy` Vostochnoj Evropy` Publ. 486 p.
- Malineczkij, G. G. (2024) *Imperativy` razvitiya Rossii, strategicheskie vy`zovy` i ix preodolenie v kontekste samoorganizacii: Nauka. Obrazovanie. Vojna. Rossiya i Evropa. Global`ny`e pereмены` i iskusstvenny`j intellekt*. Moscow, Lenand. 344 p.
- Nancy, J.-L. (2004) *By`tie edinichnoe, mnozhestvennoe* / transl. from France by V. V. Fure, ed. by T. V. Shhitzova. Minsk, Logvinov Publ. 272 p.
- Ortega y Gasset, J. (1993) Razmy`shleniya o texnike. *Voprosy` filosofii*, no. 5, pp. 164–232.
- Politicheskaya e`konomiya: uchebnik (1954)* / K. V. Ostrovityanov, D. T. Shepilov, L. A. Leont`ev et al. / Ed. by K. V. Ostrovityanov. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`. 640 p.
- Saunders, F. S. (2013) *Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War* / transl. from Eng. by E. Loginov and A. Verchenkov, ed. by V. Krashennnikov. Moscow, Institut vneshnepoliticheskix issledovanij i iniciativ; Kuchkovo pole. 416 p.
- Stalin, I. V. (1952) E`konomicheskie problemy` socializma v SSSR. *Pravda*, 3.10.
- Tolstoj, L. N. (1953) *Poln. sobr. soch. v 90 t. Vol. 53. Dnevniki i zapisny`e knizhki 1895–1899*. Moscow, Goslitizdat. 563 p.
- Shepilov, D. T. (2017) *Neprimknusbij. Vospominaniya*. Moscow, Centrpoligraf. 447 p.

Submission date: 15.04.2026.

Макаревич Эдуард Федорович — доктор социологических наук, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-51-51. Эл. адрес: edward.makarevich@mail.ru

Makarevich Eduard Fyodorovich, Doctor of Sociology, Director, Institute of Fundamental and Applied Research, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-51-51. E-mail: edward.makarevich@mail.ru